

ШЕСТЕРО

ЗИМА выдалась снежной и тревожной. Вохчаберд стал говорить тише, ушел в себя. Белое безмолвие. Лишь кое-где лошадиные копыта истыкали снег да еще на дороге, ведущей в город, чернела колея от полуторки. К утру поземка все заметала. И вокруг становилось бело, ровно.

В иные часы село вовсе замирало и, притаив дыхание, ловило каждое слово репродуктора. Беспокойство росло со сводками: солдаты отступали, сдавали города, деревни с незнакомыми вохчабердкам названиями.

В одно хмурое декабрьское утро почтальон, увязая в сугробах, подошел к дому Мелкона Ованесяна. Постоял немного в нерешительности и крикнул:

— Мелкон, эй, Мелкон!

Мелконова жена, торопливо покрыв голову шалью, вышла на крыльцо.

— Вот, синеглазая, повестка на сына.

— На фронт? — переспросила.

Почтальон пожал плечами: «Время такое, разве не ясно», — и поднялся по дороге к Азиянам...

А через каких-нибудь полчаса новость по живой человеческой связи распространилась по селу.

— Мирзу и Баграта на фронт отправляют, слышали?

— И Арутюна сына...

— Гранта, что ли?

Вохчаберд гудел допоздна.

Ребята собрались у клуба, едва забрезжил рассвет. Баграт Азиян по праву старшего придирчивым оком оглядел товарищей. Паркев Геворкян, Князь Ованесян, Грант Мурадян, Гурген Арутюнян, Мирза Ованесян. Средний возраст — двадцать лет. Или — и того меньше?

— Чего носы повесили?

— бодро спросил Баграт.

— Да холодно...

— Вот на фронте и согреемся, — хлопнул по плечу приунывшего Князя, — Двинулись!

И шесть славных парнишек, еще безусых вчерашних десятиклассников, деревенских заводил, шесть чудных, крепко сбитых юношей в серых и синих телогрейках, в сапогах с щегольски подвернутыми голенищами, шесть великодушных вохчабердцев пошли на войну. «Вай, чтобы ваши боли передались нам!» — всплеснули руками враз постаревшие мамы и вставили в рамки расплывчатые карточки своих сорванцов. Солдат.

БАГРАТ Азиян. Бритоголовый старик с узкими щелками глаз. Роста чуть ниже среднего, румяный. Говорит редкими сочными фразами. А от большого восторга наотмашь ударяет пальцами правой руки о ладонь левой: «Ба! Пусть твой дом не рухнет!». Весь он по своей конституции оптимист.

— Эти, — кивает он головой на притихших друзей, — холостыми на фронт пошли, а я — отцом двух мальцов-огольцов. Страшно — не страшно? — улыбается. — Что за вопрос! Я же не говорю перед отъездом: ты, говорю, не бойся, чей он, говорю, сын, чтоб меня убить, ты, говорю, детей расти, я в долгу не останусь. Баба в слезы, ну, ясное дело. «Эх, женщина, — думаю про себя, — натерпелась одна...». Она все плачет, вещи мои собирает. И вдруг пацаненок мой во сне так заворочался, сладко причмокнул и позвал меня. «Э-э, Баграт, — подумал я, — к добру это, когда ребенок провожает отца».

— И правда — к добру оказалось! — в полном восторге восклицает старшина, деревенский сторож и пенсионер, коммунист Баграт Азиянович Азиян и сильно бьет пальцами правой по левой ладони.

— Угости яблоками гостя, — бросает он сыну и поворачивается ко мне: — На радиозаводе работает. Этот причмокивал, — глаза еще больше сузились и морщинки разбежались по доброму круглому лицу.

— Дошли мы до Берлина. Воевали в одной артиллерийской батарее всю войну. А там человека распознаешь быстро. У иного от одного артиллерийского буханья поджилки трясутся. В нашей батарее таких не было. Правильно я говорю, товарищи младшие сержанты?

Паркев и Мирза кивают.

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

Князь Ованесян молчит. Молчит еще фронтовик, случайно оказавшийся с нами. Трудно сказать, о чем они думают. Об армейских дорогах, о сегодняшних своих заботах, о том, что Гурген так и не пришел на встречу, а директор совхоза, выслушав просьбу, сказал: «Пахать некому, а Гурген — тракторист сами знаете какой», или о той страшной ночи на Одерском плацдарме, или еще о командире батареи Василии Ивановиче Полякове, или о педагогических делах задумался учитель истории и географии сельской школы Геворкян... Война — это миллион сюжетов с двумя концовками: счастливыми и несчастливими.

Паркев Геворкян. Крупный, осанистый, седина слабо тронула волосы. Речь аккуратная, учительская.

— Я всегда любил географическую карту. Путешествуешь себе, водя пальцем по государствам. Вот, Австралия — там сумчатые кенгуру, вот Китай, где бесчинствуют краснобородые разбойники — хунхузы, а желтое пятно есть Испания, города ее обведены кружочками, кто-то нацарапал красным карандашом «Андалузия наша!». Франция — варфоломеевская ночь: фанатики ночью вырезали гугенотов. Мы, кажется, в Новокрымске — Мирза не даст обмануть — видели сожженную дотла деревню. Фашисты крестами отмечали дома партизан и их сообщников и предавали огню... Воевали мы — не трусили. А трудно на войне потому что каждый день смерть. Помню схватку под Малгобекком, это на Северном Кавказе. Помню и время — 31 декабря 1942-го. Аккурат под Новый год. С наших позиций хорошо просматривались вражеские. Что-то волят по губам, похоже, на гармошке играют, толстый один в колпаке над котлом колдует, другие перышки чистят — к столу готовятся. «Ну, — сказал тогда командир, — без музыки Новый год — не новый!». Ударили в полночь, обстреляли противника со стра-а-ашной силой...

Голос изменяет Паркеву Амбарцумовичу. Он замолкает и обводит глазами друзей: — Пусть Мирза скажет...

— Ты скажи, Паркев, как ты немца топором, — вцепивается незнакомый худой фронтовик.

— Это какой случай ты имеешь в виду?

— Хе! Вот, парень, память отшибло. Чтоб дом твой не рушился! — хлопает руками старшина.

— А-а... Ты о том... тогда мне повезло. Фриц прыгнул в траншею и приставил дуло автомата. Стою живой-неживой. Нажимаю на спуск — осечка. Нет, думаю, живой. И хватил его топором... Повезло, крепко повезло, — весело смеется. — Нет, пусть Мирза скажет.

Мирза Ованесян. Строгое лицо. Строгий серый костюм. Размеренно начинает, спокойно. А пальцы теребят выцветший 6×9 групповой военный снимок.

— Служили мы в артиллерийской батарее 400-го севастопольского стрелкового полка 89-ой Таманской дивизии. Конечно, это злорово, что шестеро вохчабердцев попали в одну батарею в самом начале войны и не разлучались никогда. Госпиталь не в счет. На наших 76-миллиметровых орудиях уже под конец войны вывели надпись «Вохчаберд — Берлин». — И на рейхстаге написали, — добавляет Паркев Геворкян. Председатель объединенного сельсовета Мирза Мелконович продолжает:

— В те годы я вел дневник, в перерывах между боями делал записи. Недавно перечитал и всю ночь глаз не сомкнул. Чего не пережили! Хотя бы рукопашная на пятачке Одерского плацдарма. Тьма кровешная. Они воспользовались этим и полезли. Без выстрелов, тихой сапой. Переполох. Паника поднялась. Стрелять — не выстрелишь: в темноте можно в своего угодить. Поднялся командир. «Не стрелять! — прошло по цепи. — Штыками». Рубка была недолгой. Ни ружейных щелчков, ни автоматной очереди. Только слышны удары,

будто теменью приглушенные... Разве все упомянуто? — рассказчик поднимает глаза на Князя Арсеновича. На мгновение наступает тишина.

— Били мы их, сукиных сынов, в их же логове! — взрывается бывший старшина, и твердый кулак его стучит по столу. — Ты обожди, главное переживание потом будет.

Худошавый, с острым лицом фронтовик афористично обобщает:

— Вся война — переживание.

И безотчетно и необъяснимо меня внезапно свело в сторону, и я потерял нить рассказа. Голосов я не слышал, и губы, казалось, шевелились беззвучно, как в немом кино. Прилежного и старательного слушателя не стало. Вне какой-либо связи воспринимались обрывки фраз. «Храбрый, храбрый... И муха храбрая, она с размаху в стекло головой бьет... Важно победить, воевать с умом... А случай на Одерском пятачке?». Со скрежетом притормозила машина, и я взглянул в окно: может, тракторист вернулся? «Под Новороссийском ранило Баграта, и его чуть живого, вынес на плечах Грант». Бросил реплику Баграт Азиян, и все рассмеялись. А худой фронтовик в какой-то момент вдруг начал урок международных отношений, и в толпе его к моему великому удивлению появились и мультонская речь, и Абиссиния, и фашистская ось.

И тут любой вопрос не к стати. Немолодые уже люди ушли целиком в войну, в тревожное, прожитое и пережитое. Между нами лег водораздел — военные годы. И из бурного потока воспоминаний, из философии времени собеседников отчлонила к мирному берегу лодка слушателя.

РАЗНЫЕ у войны приметы, и по-разному вошла она в людские судьбы. Одних завихрила с первой минуты, с первого выстрела, других — слабо коснулась. В нас же, ребятах военного года рождения, она отдалась негромким эхом.

Помню послевоенный наш класс. Он являл собой странное зрелище. Мальчишки щеголяли в отцовских пилотках и фуражках, в суженных и пригнанных по мальчишечьим плечам матросских бушлатах. Не все. Одноклассники в шевитовых костюмах, в пиджаках по той знакомой многим моде с пуговицами до горла, одноклассники мои грустные, удивительно сдержанные и удивительно дружные меж собой, спаянные как бы общими потерями — детломские ребята, большей частью из средней полосы России, ленинградцы, украинцы, сибиряки. В глазах их обозначилась недетская серьезность, тоска по потерянным родителям — пропавшим без вести под Белой Церковью, сгоревшим во Ржеве, накрытым бомбой на мощеных ленинградских улицах. Погибших у незнакомого поселка, на безымянной высоте.

Как знать, может, худой этот фронтовик дрался рядом с отцом моего одноклассника Олега Черемиса, а старшина Баграт Азиян и младших сержантов — односельчан его и однополчан прикрывали пехотинцы — так и не вернувшиеся к сыновьям и дочерям, к Саше Хоришко, Гринику Багдасаряну, Лене Чижовой, Юрию Маркарову...

Водораздел смыло. И встреча вновь обрела звук и лица, и Князь Ованесян горячо что-то доказывает Паркеву Амбарцумовичу, а славный старшина наотмашь ударяет пальцами правой руки о ладонь левой: «Чтобы дом твой не рушился!».

До чего же симпатичные люди! В сорок третьем в Керчи стали коммунистами. В праздничные дни до блеска начищают боевые ордена и медали. Стройли колхоз, и сейчас в хозяйстве незаменимы. Сеятели, люди земли, отцы детей, победители. Великие победители. Хорошо это думать.

...Мы взбираемся на холм. Под нами желтые поля. Где-то у самого горизонта чернеет трактор, и Паркев Геворкян говорит:

— Гургена трактор... Вслед за чернеющей точкой трактора живая линия свежеспаханной борозды.

И. ВЕРДИАН.
Вохчаберд — Ереван.